

ния того, как в стиле гоголевских творений «материализуются» его художественные концепции, поэтическое видение действительности. Особенно удаются ученому сжатые, но четкие и убедительные суждения о композиционной структуре, своеобразии юмора и сатиры, типа героя и, конечно же, подробный анализ поэтического языка Гоголя².

На всех стадиях исследования С. Машинский свободно прибегает к разнообразным литературоведческим приемам: это и плодотворные биографические разыскания, связанные с общественно-литературной средой Гоголя в Нежинской гимназии, и текстологические выкладки, и датировка произведений, и вопросы их творческой истории, и анализ дискуссий и критики по поводу гоголевских книг... Но экскурсы эти неизменно принимаются в прямой связи с внутренней темой монографии, «работают» на нее и, может быть, за вычетом отдельных страниц последней главы «Вокруг наследия Гоголя» (кстати, здесь можно было использовать интересные архивные материалы об эволюции взглядов А. Дружинина на общественно-литературное значение Гоголя), не воспринимаются обособленно от этой темы, как самодовлеющие этюды. И это также поучительно, ибо свидетельствует о том, что работе того жанра, который представлен книгой С. Машинского, не противопоставлено ничто «академическое», все дело в том, чтобы отчетливо ощущалась «сверхзадача», внутренняя тема книги и... вдумчивый, эстетически отзывчивый автор ее, хорошо владеющий искусством и научного исследования, и заинтересованного повествования о художественном мире писателя.

Разумеется, все это не значит, что работа С. Машинского не вызывает пожеланий и замечаний по частным поводам. Хотелось бы более конкретного анализа природы мотивировки в реалистических произведениях Гоголя, соотношения в ней социального и морально-правствен-

² Ср. М а ш и н с к и й С. Художественное слово Гоголя. — В сб.: Мастерство русских классиков. М., «Советский писатель», 1969.

ного начал. Едва ли эта историко-литературная и теоретико-методологическая проблема уже до конца и бесспорным образом разрешена в гоголеане (чему свидетельство и недавняя статья Е. Н. Купреяновой «„Мертвые души“ Н. В. Гоголя (Замысел и его воплощение)». «Русская литература», 1971, № 3). Может быть, стоило шире рассмотреть проблему мечты и действительности в творчестве Гоголя, чтобы соотносить ее с процессом становления революционно-демократического принципа объективного обоснования идеала и таким образом существенно дополнить содержательные страницы книги, посвященные роли гоголевских традиций в истории литературы. И еще один, совсем уже частный вопрос. Правомерен ли терминологически обычный тезис о том, будто Пушкин дал Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ»? Сюжеты ли? Не вернее ли говорить, допустим, о сюжетных ситуациях, поскольку собственно сюжет есть нечто слишком органичное, неповторимо индивидуальное, чтобы его можно было заимствовать, «перенять» даже с благословения самого Пушкина?

С. Машинского привела к рецензируемой книге дорога исследователя длинной в 30 лет, со множеством приметных вех — книг и статей о Гоголе, о литературе 30—60-х годов прошлого столетия, о современном прочтении классики, об истории русской критики и советского литературоведения. Ученым написана книга, которая, будучи для автора в известном смысле итоговой (многие важнейшие темы новой монографии надежно «обеспечены» его специальными исследованиями), дает нашей науке творческий пример труда того типа, что насущно необходим для академически строгого и вместе с тем поэтически доходчивого утверждения классики в духовном и душевном опыте новых поколений советских читателей. Вместе с тем по богатству и разносторонности материала и обобщений, по основательности научной концепции, по отточенности стиля, по живому чувству времени книга С. Машинского становится в ряд лучших трудов о Гоголе в советской литературной науке.

М. Г. Зельдович

СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Т. I, вып. 1, 139 стр. и вып. 2, 111 стр., Калинин, 1969; т. II, вып. 1, 172 стр. и вып. 2, 125 стр., Калинин, 1971. [Калининский государственный педагогический институт имени М. И. Калинина]

Калининское лингвистическое общество не составляет в отличие от известных в истории языкознания школ и «кружков» обособленного территориально или научно коллектива со строго определен-

ным концептуальным направлением. Объектом его интереса являются разные, даже противоречащие друг другу течения общего языковедения. Платформой объединения здесь служит стремле-